

М
И
Ф
Ы

21

В
Е
К
А

ИВАН ЗАНГЕЗИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ИВАН ЗАНГЕЗИ

Мифы 21 века

«ЛитРес: Самиздат»

2019

ЗАНГЕЗИ И.

Мифы 21 века / И. ЗАНГЕЗИ — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Когда мир стирает своё разнообразие, ориентиры попораны, чувства задавлены комфортом, а люди поголовно превращаются в безропотных животных, происходит катастрофа. Из-под пелены гламура пробуждается первобытная жесткость, дух силы, призванный клыками и огнём провести санитарную чистку, шоковую терапию для человеческих душ. И когда Пришествие наступает, у простых людей появляется выбор: примкнуть к волевой орде, дать ей бой или стать прахом истории. Но есть иной путь - воспеть красоту мира в его пылающем падении, внимать и рукоплескать величайшей трагедии в истории. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Бег Бог	5
Улыбка на устах помешанного	12
Валтасар	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Бег Бог

– Скоро праздник города! Послезавтра! Наконец-то! Хотя казалось, всего ничего был праздник единства ветвей власти и праздник единства предложений!

– Так они и были недавно. Один неделю назад, другой на позапрошлой. Благодать!

– Да уж, весь город гулял! Столько еды! Правда, маловато котлет было на дне ветвей. Три котлеты на человека! Где это видано!? – бунтовал один из друзей. – Всегда было по пять.

– Да праздник то неважный. Вот день города будет бомба! Кто что оденет? Клетка или полоска?

Вова безучастно выслушивал все это, доедая завтрак. Постный и пресный, как и скудные помыслы его друзей. А ведь дома мама опять приготовила гору котлет. Заставит же все съесть... а это еще до обеда не дошло. Чтобы хоть как-то сбежать от всего этого парада уныния он взглянул в окно.

Не помогло. Те же серые и унылые пейзажи. Халтурно реставрированное здание, пошлая реклама и одинокий интеллигент, ожидающий свой автобус под билбордом с рекламой дешевых внешне и по чеку проституток. Стало еще паршивее. А впереди еще целый день в унике...

Тут к одинокому интеллигенту подошли четверо в серых куртках и чертами вырождения на лице. Из-за стекла Вова ничего не мог разобрать из того, что они говорят. Летели слюни. Подобно беркутам над ягненком, четыре гоблина окружили несчастного трясущегося студента. Юноша впился хиленькими ручонками в набитый портфель, будто в нем заключалось все его достоинство. Отвратная картина. Причем уродлив был и студентиска в своей слабости и мягкотелости, и эти обезображенные алкоголем во время беременности дуболомы.

Самый уродливый из них, с приторно сладким лицом вечного пупса, дал агнцу хлесткую пощечину, двое других вырвали сердечный портфель, из которого посыпались тетрадки, учебники и контейнер с мамиными котлетами. Уже через мгновение они поставили «ботана» на колени и принялись поочередно щедро раздавать ему пощечины, ржа и хрюкая. Щеки его набухли, стали ярко красными, глаза наполнились горькими слезами. Но он терпел. Плакал, поедал сопли, но терпел. Вова встал с места, и только тогда компания друзей обратила на потасовку внимание.

К этому моменту они достали свои телефоны и принялись снимать, как он просит прощение за то, что ни с кем не поделился мамиными котлетами. Другой местный тролль, жирный и женоподобный, взял жертву за интеллигентскую челку и стал стремительно подносить его лицо к своим паленым кроссовкам.

Вова был уже на половине пути к выходу из забегаловки. Он должен остановить это. Этих животных, эту мразь, эту падаль! Даже если он не сможет всех избить, то хотя бы сделает все, что в его силах! Но тут внезапно за его одежду хватаются сразу несколько пар рук. Это были его друзья.

– Что вы делаете? Вы видели, что там происходит?! Пошли все вместе отпиздим это сучье племя!

– Вова, одумайся!

– Вова, ты чего? Сдурел? Это их разборки.

– Вова, остынь, да он пропустит через себя это и дальше жить будет. А тебя-то поколотят!

– Вова, знаешь, как долго синяки проходят!

Тут удерживать разгоряченного Вову принялись и посетители, схватив его руки, ноги и держа за куртку, рубашку, ремень и штаны.

– Пустите, пособники! – рычал Вова с львиной яростью. Наконец-то он смог сорвать с себя десятки рук, благо все они были слабыми.

Но к тому моменту злодеи покинули место истязания, а интеллигентский сын подбирал с земли котлеты, что выпали из контейнера, и сплевывал с языка подошвенную грязь. Когда он завершил сбор ингредиентов, приехал автобус. Студент поправил прическу и зашел во внутрь. Вова глядел вслед стремительно удаляющемуся автобусу.

– И чего ты добиться то хотел? – с издевкой вопрошал один из друзей. – Балда ты, Вова.

– А–А–А–А–А! – заорал во всю глотку Вова и побежал куда глаза глядят. Бежал, кричал, задыхался, все смотрели на него как на идиота, но он не мог больше оставаться с тем чудовищным нечто, что он называл «друзьями».

Наконец-то остановился, перевел дыхание. «Ему не помочь. Мир несправедлив. Мама всегда говорила! Спокойно. Подумаешь после университета, что делать»

Университет чем-то сильно напоминал здание какой-то больницы, хосписа и торгового центра. У входа курили первокурсники, еще бодрые, еще с мечтами. Рядом с ними стояли чуть более счастливые школьники, что пришли в университет на экскурсию.

Тем временем единственный громкоговоритель в городе задрезжал: «Университетские занятия начинаются, просьба всех учащихся не опаздывать!» Единственный громкоговоритель был сделан с целью сокращения налогов граждан на оповестительные системы. Благо звука хватало, громкоговоритель охватывал весь город, сразу объявлял и другие важные объявления. Люди давно смирились с тем, что громкоговоритель проникает во все квартиры, и от него нельзя было скрыться. Они потерпели, расслабились и стали получать удовольствие от того, что буквально слышат, как жизнь в городе идет, а дети учатся.

Лекционный зал был полон. Амфитеатр из парт, за которыми когда-то сидели выдающиеся ученые, поэты и художники. Теперь здесь сидят его друзья, и Вова намеренно отсел от них. Доцент Всеклюев важно поправлял очки, смотрел одновременно в Канзас и Арзамас и улыбался как полный придурок, как пьяная мультяшка. Преподает здесь по связи с ректором, который не выгнал его даже после того, как его обвинили в удерживании у себя дома студентки со связыванием веревкой и пытками утюгом. Дело было замято. Также не раз обсуждалось, что преподаватель носит женское платье и любит общаться с детьми на детской площадке, однако совет университета настаивал, что личная жизнь преподавателей их не волнует.

– Всем встать! – скомандовал Всеклюев, продолжая смотреть в разные стороны, как варенный рак, и все также тупо улыбаться, точно он был огромным обосравшимся слабоумным ребенком.

– Садитесь!

Студенты с серыми заспанными лицами сели. На их лицах отображалось все уныние какого-то радикально пуританского народа.

– Так, кто даст правильное решение задачи? – Всеклюев говорил всегда с ярко извращенческой интонацией. Доцент обвел каждого в аудитории взглядом и выбрал мишень.

В это время Вова для себя решил пропустить всю эту пургу. Дисциплина сама по себе была ненужная, а слушать этого рвотного педераста ему не хотелось вдвойне. Его озаряла мысль о безыдейном поколении, что сидели с ним в одной аудитории. «Раньше студенты устраивали бучи, когда их принижали в правах, продвигали самые безумные проекты, во главе угла были поэты, ученые и лидеры, они творили и показывали свою волю. Они не терпели, а боролись за свое счастье! Настоящие бойцы звонкой молодой крови. А что сейчас? Почему передо мной эти ходячие унылости? Где страсть? Где злоба? Где энергия?»

– Глупейшее решение задачи, Сидоров. Иди сюда, полудурок.

Сидоров виновато склонил голову, подошел к учительскому столу, лег верхней частью на живот, согнув руки свои.

– Итак, класс. Наблюдём за малолетним дебилом.

Всеклюев снял с Сидорова штаны, расстегнул пояс брюк и достал сморщенный член. Учитель аппетитно облизнулся, направил агрегат на боевой лад поступательными движениями

и погрузил его внутрь ученика. Публика молчала, точно так и было надо. Тем временем Всеклюев довольно кряхтел и все активнее двигал сморщенными бедрами, в то время как Сидоров недовольно мычал от боли, по ногам его стекали ручьи крови. Но он терпел, ибо не хотел ни в коем случае испортить дальнейшие отношения с лектором. Впереди экзамен.

– О-о-о! Да! Посмотрите, как он туп! – приговаривал Всеклюев. Во рту его пузырились слюни. Тут рука его отвесила мощный подзатылок ученику. – Балда!

Тем временем Вова испытал тяжелейший ужас, сковавший все его движения. Он точно стал героем донасьеновского кошмара. Бедра с хлопком ударились о бедра, Всеклюев вот-вот кончит. Студенты же покорно смотрели за этим, как смотрели бы на объяснение очередной глупой задачи. Кто-то издевательски хихикал. Но все сидели обездвиженные. Единственным источником движения в здании был насильственный половой акт.

– Правильно, смейтесь над ним! – одобрил смешки Всеклюев и ускорился. Сидоров же изнемогал от боли, мычание переросло в тихий крик.

– Что вы все молчите! – подобно воплощению совести, Вова вскочил со своего места. Всеклюев остановился, оставив свой фаллос внутри подопечного. – Твари! Остановите его!

– Как вы смеете, молодой человек, вмешиваться в устройство учебного процесса! – отсталое лицо Всеклюева приобрело воинственные очертания (но все еще до дури карикатурные). Профессуре лучше знать, что и как надо преподавать. Вы всего лишь студент.

– Гниды! – выкрикнув, Вова швырнул свой тяжелый портфель в сторону преподавателя и выбежал из аудитории.

Охваченный паникой, бежал он, как загоняемый зверь. «Да что это творится вообще!» Вот он оказался на улице и ринулся за правосудием. Университетский дворник, видя непокорного студента, харкнул на землю и проговорил: «Дон Кихот хуев».

Вова пущенной стрелой устремился в Управдом, что находился на перекрестье двух главных проспектов. Это был единственный высокий дом, унылая конструкция из стекла и бетона. Для удобства жизнедеятельности народонаселения было решено объединить единственный торговый центр, администрацию «уполномоченного ради общего дела» и полицейский участок. Всё также для комфортности народонаселения на местах было решено объединить судебную и исполнительную власть в лице бывшего губернатора, нынешнего уполномоченного ради общего дела господина Добча. Пулей взметнулся он на нужный этаж, пробегая мимо мириад офисных клерков, трудящихся ради общего дела. Вова сделал заключение, что больше половины работников имитировали работу. Неутешительный вывод был сделан по количеству разлагаемых в тот момент на столах косынок, пасьянсов и аккаунтов социальных сетей, где уныние и безрисковость были возведены в абсолют. Унылые лица офисников ничем не отличались от тех, что только что лицезрели систему обучения доцента Всеклюева. Наконец-то он добрался до дверей городской администрации, что также выступала в качестве полиции и прокуратуры, как было сказано ранее.

– Мне нужно, чтобы вы срочно возвели уголовное дело на доцента Всеклюева. Он только что изнасиловал студента на глазах у всей аудитории.

Секретарша смотрела на юношу с изумлением. Она осмотрела его с ног до головы, стараясь отыскать явные признаки безумия.

– Мы оформим заявку...

– Сейчас же мне нужен урод Добч.

– Он отсутствует на месте. Мы не можем оформить дело.

Владимир вскипел.

– Да у меня там целый зал свидетелей! Всеклюев – опасный преступник!

– Тот факт, что вы не хотите учиться, еще не говорит о том, что учителя безумны.

Переполнявший все возможные пределы гнев стал подступать к горлу, душить и побуждать блевануть.

– Молодой человек, вы в порядке? – поправила очки секретарша.

– Вы не в порядке! Он маньяк! Сейчас же звоните уроду Добчу!

Секретарша убедилась, что юноша безумен, а поэтому надо последовать его дурной воле, чтобы он успокоился. Безумцы опасны! Она быстро взяла телефон и набрала номер.

– Алло. Это государственный университет? Можно доцента Всеключева к телефону. Да. На вас поступила жалоба от одного из студентов. Говорят, вы изнасиловали студента на лекции? А, это новая методика образования. Студент перегнул? Не так все понял? Ага. Поняла. Я тоже так думала. Значит, не было изнасилования? Все, спасибо, я так и думала. Всего доброго, – секретарша положила трубку. – У нас нет достаточных оснований, чтобы завести дело.

Вова с демонической истерикой выбежал из Управдома.

На улице был митинг внесистемной оппозиции, больше походивший на вышедший прогулку дурдом. Какие-то странные товарищи, точно накачанные препаратами, делают какие-то непонятные телодвижения, машут транспарантами: «Урода Добча в отставку. Этому городу нужен новый урод. Голосуй за Бобча!» Процессией руководил какой-то смрадного вида дед в засаленной куртке и интеллигентного вида юноша в очках и затертом свитере.

– Что вы предлагаете? – в голосе Вовы звучало буйство, страдание и мольба о помощи.

– Как что? А вы не видите беспредела, молодой человек? – буркнул дед, от которого действительно воняло нестиранными штанами и потом.

– Добч это просто беда для нашего города! – провозгласил юноша-оппозиционер. – Вы только посмотрите на ужасный цвет Управдома! Нам необходимо срочно перекрасить его в зеленый цвет!

Все надежды Вовы пали стали прахом, как облитый бензином и подожженный карточный домик.

– Как же вы не понимаете, что проблема не в цвете стен! **ВЫ ПРОСТО МЕНЯЕТЕ ЕБА-НОГО ДОБЧА НА УБЛЮДСКОГО БОБЧА!**

На него посмотрели, как на последнего идиота.

– Молодой человек, Бобч и Добч это совершенно два разных полушария! – наставнически проговорил дед.

– Да как же вы не понимаете! – не остывал Вова. – Нужно менять здесь все, ломать, дробить, строить заново! Лица людей менять, мысли, позы их смиренные, дух!

Оппозиционеры только усмехнулись.

– Вам не хватает познаний в экономике, политике, социологии, истории. Выучитесь и приходите уже к нам. А пока – не засоряйте эфир!

– А-А-А-А-А! Суки! – и вновь бежал Вова от парализующего ужаса современного мира.

Измученный, весь кипящий, выжатый и голодный до справедливости, он поднялся в квартиру. В доме на всю квартиру пахло котлетами. Он сел на свое место за столом с вытаращенными из орбит глазами. В глубинах их сияла пылающая черная дыра. Мать в изношенных тапочках молча разогрела ему горку котлет. Вова увидел перед собой тарелку и его чуть не вывернуло. Дело было вовсе не во вкусе. Мать умела превосходно готовить котлеты, лучше всех в городе (как и для каждого его мать готовит лучше всех). Но он просто не мог это есть при том, что чувствовал острый приступ голода. Но голод этот имел совершенно нефизическую природу. Рядом молча сидел отец, подобно театральной декорации камня, единственным движением его было подношение вилки с мясом ко рту, а из звуков периодически доносилось лишь хлюпанье компотом.

– Что случилось, сынок? – спросила его мать, видя ошарашенный вид сына. – Бухнул что ли?

– Мать, и ты не понимаешь! – в уголках глаз Вовочки появились слезы. – Эти подонки, эта сволочь. Они все полны дерьма! Сегодня на моих глазах студента изнасиловал преподава-

тель! А все точно в кому падали! Суки похуистические! Всех бы перестрелять! Никому нет дела до этого!

– Не носи чепуху. Ешь, пока горячие.

Удар ножом в сердце. Последний оплот понимания был разрушен.

– Сына, ты учишься лучше. Не надо только бунтовать. А то еще из универа попрут. Тогда вообще невоготу станется, – издал звук отец, не смотря в сторону сына.

Как ошпаренный Вова вылетел из-за стола, перевернув тарелку с котлетами. Он кинулся в свою комнату, взял боевой нож своего прадеда-военного и выбежал на улицу, хлопнув дверью.

Была уже темная ночь, но он бежал прочь из города. Через несколько часов у него стали отказывать ноги, холодный воздух обжигал легкие, в боку колело, но он достиг необходимого места. Квакание лягушек в лесном пруду, шелест листвы от ветра и всплески от рыбы. Он сел на мокрую траву, охладился. И в этой атмосфере к нему в голову пришла яркая идея, как можно все изменить. Точно свыше до него донесся четкий план.

За день до дня города урод Добч отправлялся на свою дачу в пригород, как он делал каждый год, чтобы узнать о нуждах селян. Поедание каравая, выслушивание прошения и страстные обещания все изменить к следующему году. Максимум через один.

В этот раз он ехал со своим сыном, дабы показать плебсу будущего уroda. Как никак он уже взрослый, требуется вводить наследника в курс дела. Их охранял картеж из нескольких машин с мегалками. В середине пути по лесной дороге раздался взрыв. Потом еще один и еще. Бомбы были кинуты с отработанной четкостью так, чтобы повредить центральную машину уroda и уничтожить сопровождение. Весь лес озарился ярким разноцветным фейерверком, точно во взрывчатку была заложена какая-то хаотическая творческая преобразующая сила.

Вовочка подбежал к останкам машины уroda. Рядом с Добчем корчился его сын, пламя сожгло его дорожные одеяния. Это оказался один из напавших на интеллигента гоблинов. Несколькими мощными ударами ноги в затылок у наследника образовалась дыра в голове. Мозг был невероятно мал и скуп, как у какой-то ручной обезьянки.

Добч стал кряхтеть и кашлять. Кабаноподобное существо с короткими ручками не было способно даже перевернуться на живот. Вовочка вонзил дедовский нож в плечо уроду и потащил тушу в ближайшую канаву. Оказавшись лицом к лицу в укромном месте врагов, он вонзил ему нож меж ребер. К удивлению Вовы, полилась не кровь, а какая-то странная черная субстанция, похожая на подкрашенное алым моторное масло. Боец жизненного фронта стал резать ножом куски плоти. Вместо сердца и других важных жизненных органов у Добча был мотор. А сам урод все это время был (или в какой-то момент стал) самым настоящим биороботом. Что-то это объяснило, а что-то добавило вопросов. Но этой борьба только началась

Прошли сутки кропотливой работы.

До начала празднования дня города оставался час. Люди готовились выйти на улицу, влиться в текучую массу горожан и торжественно пройти в дружной процессии до столов с фуршетом. И никакая смерть никакого уroda Добча не могла остановить таинство праздника. Свежее солнце озарило несчастный город, предвещая свыше счастливые события.

Из сердца прожженного уroda Добча получился корявенький, но исправный автомат Калашникова. Проверенный веком металла и крови, гениальный инструмент борьбы, не устаревший со временем в виду своего удобства, доступности и простоты управления. Данное гениальное произведение оружейного искусства уже не раз устанавливало справедливость и несправедливость по всему земному шару. Прадедушкин нож послужил в качестве штыка. Раздобыть же патроны в мирное время почти никогда не было проблемой.

Русский хунвейбин Владимир спокойно шел по пустым улицам с автоматом наперевес. Ибо знал, что толпа не выйдет из своих домов без своевременного сигнала из университетского громкоговорителя.

Культурную революцию попытался остановить старый дворник с бодуна, но был отправлен к праотцам одной штыковой атакой. Так он спокойно прошел несколько этажей без сопротивления. Уборщицы и лекторы сдавались без боя. У дверей в студию с громкоговорителем о чем-то беседовал ректор университета и доцент Всеклюев. Надушенные, при параде две ошибки человечества. Ректор получил пулю в лоб сразу за пособничество. Всеклюев повернулся и получил штык в пах. Его тупое лицо почти не изменилось, только брови сложились в китайский иероглиф дома. Оставив падаль умирать, Владимир двинулся вперед.

Считанные минуты до начала городского праздника. За пультом сидел какой-то очередной клерк. Его Володя пожалел и просто вырубил прикладом, расшибив лоб. Одним нажатием на кнопку включения громкоговорителя хунвейбин запустил неостановимый процесс, сродни духовной водородной бомбе.

– Жители некогда славного города! – обратился он к толпе.

Народ потянулся на улицу, заполняя весь город.

– Я объявляю мой манифест:

«Жизнь – есть непрекращающееся движение
Борьбы, стремления и действия.

А потому –

Бог наш – Бег.

Мы молодые душой и телом,

Вдыхаем в этот мир жизнь своей энергией

Порывом к силе и свободе!

А потому, во имя вечного цветения нашего мира,

Я объявляю власть молодых,

Диктат самой жизни,

Власть почитателей движения!

Сильных и смелых духом!

Мы воины вечной весны и красного цвета

Страсти, крови и огня!

Я объявляю войну всепожирающему мороку наших дней!

Коммуне не быть покоренной!

Братья и сестры,

Огонь по штабам!

Беспощадная борьба с ржавыми оковами

Вашей неизмеримой мощи!

Дорогу молодым!»

Манифест возымел нужный эффект. Голодные до жизни студенты и школьники ринулись бороться из толпы. Точно озаренные каким-то огненным ореолом, они стали выделяться из серой массы. Новоиспеченные бойцы брали все сподручные предметы, среди которых оказались метла, строительные лопаты, грабли и самые обычные палки. Разбрасывая всех на своем пути, ринулись они, эти бестии Бег Бога к управдому. Часть кинулась нещадно переворачивать столы с водкой и котлетами. Другие стали бить стекла главного здания, вышвыривать администрацию из окон (для этого даже есть умное слово «дефенестрация»). Одна из волн бросилась будить университет. Особенно настырные рабы системы, в числе которых были и местные оппозиционеры, были без всяких разговоров избиты и искилачены. Из окон шёл листопад из всякого рода макулатуры.

– Ай! Оставьте меня! – нового «управляющего ради общего дела» Бобча пинками выволокли за серый галстук и бросили в лужу под радостный смех и разбойничий свист.

Город пылал в радостном буйстве! Он перерождался в нечто живое, бодрое и прекрасное. Весело они насмеялись над недовольным воем стариков в прокисших штанах и плачем мате-

рей-наседок. Молодые громили котлетные столовые заодно с некоторыми идейными поварами, нещадно срывали и жгли пошлую рекламу, били со всех сторон по всей безвкусице и тут же провозглашали новую эпоху.

Высвободившееся в горячих сердцах творчество не заставило долго ждать: один из молодых подпольных поэтов в тот же день основал «Союз Диагонали». Под топот и стук оружия, на фоне огромного костра из горящих учебников и прокламаций прошлого был прочитан одним из вождей ещё один манифест новой эпохи: «Мы провозглашаем славу Великой Революционной Диагонали! Бросаем вызов горизонтальному унылому спокойствию и вертикальной давящей иерархии. Даём бой тухнувшей стабильности и власти недостойных, что препятствуют развитию че-ло-ве-ка! Горизонталь и вертикаль это крест на надгробии Движения. Даёшь разнообразие подходов! Диагональ это творчество! Стремление развиваться! Диагональ это авангард! Диагональ это революция!»

Так от нового заряда пошла новая волна бунта. Революция молодых неостановимо развивалась, на всём скаку мчала вперёд.

Всюду играли песни, читались стихи, горели обжигающие умы дискуссии и обсуждались безумные проекты. Город, точно многократно расстрелянный из маузера, был покрыт в разных местах огромными кострами, за каждым из которых провозглашались новые содружества, союзы и объединения.

Так свершилась новая великая революция! Революция Свободы, Движения и Духа. Триумф во имя света, во имя красоты.

Улыбка на устах помешанного

Ивашка сидит на скамейке парка рядом с отчим домом. Читает книгу и пьет капучино с лавандовым сиропом. В ус не дует! Только закончил школу, поступил в один из главных университетов страны и наслаждается жизнью перед многолетней каббалой. Из хорошей семьи с достатком выше среднего, где его даже никто не бил никогда. Да! Его любили, и он любил. С сильным характером, всегда заступался за слабых перед более сильными выродками (это было его рыцарским кредо). Много знакомых, но из друзей ограниченный круг общения, но проверенные временем люди. Со среднестатистическим членом. И девушка была любящая. А он даже без жестких сексуальных перверсий на подобии тентаклей, гуру и других веселых вещей! Вы представляете? Легкое БДСМ не считается. Умеренные политические взгляды, только лишь с зачатками радикализма. *Все было в норме.* Веду я это к тому, что никто со стороны не ожидал от него того, что потом произойдет.

Ти-ти-ти. Пели счастливые и добродушные птички.

Уютный старый парк с целым комплексом арт-объектов, разбросанных по всей территории. За спиной его наблюдали за происходящим мемориальные доски Дали, Хармса, Лихачёва и еще одна темная скрижаль с непонятным сочетанием египетского анкха с марихуаной (хуй пойми к чему такой ансамбль, но эта недосказанность задавала тон всему месту).

Ивашка называл это место своим личным «Эдемом», ибо только здесь он мог в полной мере концентрироваться на своих мыслях и избавиться от ощущения пустоты и избыточности этого мира.

Ивашка сидел прямо у входа в «Эдем» на уютной скамейке и в перерывах на чтение глядел на собравшуюся толпу скейтеров, что колесили перед ним в метрах двадцати на широкой гранитной площадке. Банда из человек сорока, одетых в дешевое трепьё без всякого намека на гармоничное сочетание цвета и вкуса. Ивашку воротило от всей этой субкультуры безнадежных лентяев (из-за этого чуть меньше он ненавидел рэп). Вообще его много от чего воротило, но от этих двух вещей желчи выделялось особенно много. «Ездят туда-сюда, портят улицы царапинами от своих досок, после школы пойдут в шарагу, где снова продолжат ездить туда-сюда, сидя на шее у мамки. Еще и гордятся перед тупыми девками-позершами, что перепробовали много травы и какие они свободные духом! Дешевки. Все, чем они занимаются, это езда туда-сюда и понты друг перед другом. Амёбы. Где генерации хотя бы крошечной новизны? Отбросы». Не то, что у него: стремления, самосовершенствование, самоанализ, самодисциплина. Рядом с ними он ощущал себя сверхчеловеком. И он действительно был лучше их. Во всем, кроме этих проклятых досок, на которых они постоянно спотыкаются. Раньше в этом парке гуляли великие люди, композиторы и поэты сажали деревья, находили вдохновение, страдали, творили и снова страдали! Была краска, была жизнь! А теперь эта толпа долбоебов портит все одним своим существованием. Как побелкой по Мадонне Рафаэля. Тьфу!

Скейтеры, играясь со своими прибрлудами, режуще матерились прямо в паре шагов от детской площадки. Ивашка не был ханжой, сам использовал в своей речи брань к месту, но всему же надо знать место и время. Какой пример детям! Недовольные мамы играющих детей смирляли бездельников гневным взглядом, но ничего не высказывали. А зря! Ивашка ощущал приливы ненависти к себе, ибо в своем сознании он не противостоял этому очевидному злу, а, следовательно, был заодно с этими социальными паразитами.

«Суки».

Как же он хотел сказать им все, что думает! Кинуть в морды точные и колющие фразы, чтобы им было беспокойно, чтобы их передернуло от мысли о собственной никчемности. Но это было бессмысленно. Вот так подойти и сказать им, что они говно, наплевав на возможность получить в морду? Как же жаль, что рациональность мешала ему это сделать. Дело не

в опаске за морду, а в бессмысленности всего этого со стороны. Отрицательный кпд! Люди скажут, что он ебнутый! Хам! И никому пользы не будет, никому ничего не докажет, его чувства никому не нужны. Ну уж нет. Как-нибудь потом разберется со своими бесами в себе и в нужный момент все скажет. *Не время для искренности.* А пока остается сидеть и представлять кладбище, где вместо надгробий будут порубленные куски скейтерских досок. Но какой-то бес закрался в него. Это та самая сущность, которая толкает людей на какие-то идеальные преступления. Маленький такой убермен. Однако многие бояться его послушать, надламываются, в простонародье «ссут». Юноша продолжал бурлить.

Чтобы отвлечься, Ивашка принялся за новую книгу. Это лето выдалось невероятно удачным на подбор литературы. Многие вещи смогли правильно модернизировать его взгляды, тем самым создав внутри него пороховую бочку. И это было прекрасно. Он был подобно цветку, что вот-вот распухнет и озарит этот мир какими-то новыми демоническими красками. А Ивашка вообще всегда был падок на мистическое ощущение прекрасного. Он искренне проникался искусством, но после прочитанных книг в нем будто зияла космическая дыра. Казалось, что ничего лучше он не найдет. Каждый раз ему казалось, что в современном мире люди израсходовали свой ресурс, свой запал, страсть, свет. Самоповтор на самоповторе. Юношу душил этот факт, но все же он воодушевленно ощущал великий Дамоклов меч новой эры, что изменит этот мир навсегда, убив уродливого и гниющего старика пост-модерна, и изменит наконец и его самого, Ивашку. Полностью извратит с ног на голову! Он трепетал от одной мысли о ярком прыжке в сумрачную смерть, после которой неминуемо настанут новые идеалы, новая героическая эпоха.

И вот настало время долгожданного романа, наделавшего много шума в свое время. С виду совершенно простая история, персонажи далеки от Ивашки по всему. По идеалам, по способностям, по мироощущению, социальному положению, вкусу. Но только Ивашка начал читать, как книга с первых страниц оказала эффект разорвавшейся бомбы. Сочетание букв складывалось определенным образом в его сознании, генерируя таинственные заветы каких-то энергетических сущностей. В какой-то момент при профессиональном описании жестокого секса шизанутого эмигранта с похотливо стареющей богачкой во всех подробностях он стал задыхаться. Преисполнившись сопереживанием к герою совершенно из другого социального слоя, с другими проблемами и мыслями, с другой судьбой и из другого народа, до него дошло озарение. Горло продолжало угрожающе сжиматься.словно какой-то вредный гремлин встал поперек гортани, жестоко смеясь и наслаждаясь своей доминантой. Всякое, конечно, было, но такого в жизни Ивашки еще не случалось. А не болен ли он? «Что за чушь?» Его члены горели, захотелось отпиздить кого-нибудь или выебать. Со всей кипящей в жилах страстью. Очень жестоко. Его хуй в агонии терся о джинсы, желая вырваться и напасть на что-либо. В это время в душе происходила настоящая пляска святого Витта. Праздное помешательство и вместе с тем могущественное, словно продиктованное свыше, желание уничтожить абстрактное нечто, в порыве восхищения своей мощью, своим Я. В порыве высшей любви к жизни. В порыве красоты.

Чтобы прийти в себя, он глотнул кофе. Чуть не вырвало прямо на плитку любимого парка. Скрипя зубами, он еле удерживался, чтобы не заорать во всю глотку: «Блять, как же всё меня зеабало, суки!» Это было нечто похожее на духовный ультра-сперматококисоз.

Ивашка с остервенением захлопнул книгу и, как загоняемый сворой зверь, ринулся в свою квартиру на пятый этаж (лифт дома находился в ремонте). Уже через минуту он ворвался в туалет и ублажил себя, воображая, как он насилует в разных позах милостивую продавщицу из сегодняшней булочной на пару с японской самкой-доминанткой. Обычная для его сверстников панацея от всех переживаний не сработала. Это была не просто похоть, это полное внутреннее перерождение, становление имаго. Ивашка отчаянно умылся, посмотрел на себя в зеркало. Сердце билось об грудную клетку, как таран бьется в крепостные ворота, за которым

стоит голодная до бойни орда. А не обратиться ли к специалисту? Он же не здоров! Психопат! Чуть! Да он переживает лучшие мгновения своей жизни. Истинных чувств и эмоций! Божественной мощи! Святой искренности! Он никогда не был также восхитительно могущественен и прекрасен. Это был настоящий вирус дикой крови, аффект дикаря-воителя во время войны с миром чудовищ.

Он летел над этим миром как Великий Красный Дракон Блэйка и страстно желал насытиться как сумасшедший Сатурн Гойи. Ни с чем несравнимый голод к свершению. Ивашка прекрасно знал, что утолит его, а книга дала ему в руки меч, которым суждено убить самое тираническое чудовище – настоящее.

Grrr. Ag. RRR. Ag. RrR.

«В известной мере это не случайная революция, а лишь ускоренная естественная эволюция, порожденная резонансом между средой и видом»

В четыре часа ночи, дождавшись пока вся семья отправится в царство Орфея, он тихо оделся в самую неброскую одежду и вышел из квартиры, взяв с собой накопленные за несколько лет доллары. Внизу его уже ждала машина с угрюмым водителем с запахом дешевого одеколona и неприкрытой ненавистью к своей работе. На месте под мостом его ожидал продавец-хач с пошлыми золотыми зубами. За пару сотен зеленых Ивашка стал обладателем «бывшего в употреблении» револьвера с семью патронами. Теперь он был готов исполнить волю. Волю духа. Величайший гранд–финал.

Такси. Дом. Через час он уже лежал в своей постели. Божественный вирус так и не оставил его, но он был безмерно воодушевлен. Самые счастливые часы его жизни. Ивашка, полностью опьяненный дарованной властью, наконец-то нашел выход, отгадал свое истинное желание, свой фатум. Он обрел истинную свободу. Подобно мантре повторяя: «Они узнают. Они поймут. Они узнают. Они поймут», он погрузился в бездну, из которой должен вырваться новый Данко.

Ssss Ssss k-k-k-k-k r rr rR RRR

Дождавшись полудня, он спустился в свой излюбленный парк, держа за поясом полностью заряженную обойму. На Ивашке был нуарный кожаный плащ, который предавал ему романтически-героический ореол. В образе его читались вполне ясные инфернальные нотки. Сам же он был в образе исполнителя высшего предназначения, только источником этого предназначения был он сам.

Ивашка взглянул на солнце. И как сказал один английский поэт: «Одно для всех сияет Солнце с высоты, но вижу я его совсем иным, чем ты». В глазах его отражалось алое солнце желания и решимости, солнце истории и самой жизни.

В парке как раз происходила очередная сходка скейтеров. Патлатые, лылые, худые и толстые, почти все горбатые, но все безоговорочно безобразные. Человек двадцать.

Приблизился достаточно близко.

T t T t T t T t T T T T T T T T T T T

Сердце бешено билось в экстазе. Семь патронов. Вдох и...

Добро пожаловать в мета-модерн!

Щелк.

БАФ! Одного скейлера дикая пуля сразила прямо в прыжке, пробив живот. Все тут же начали разбегаться в разные стороны и кричать, оставляя свои доски. Слетелись птицы от громкого звука, взревели дети, уносимые на руках своими матерями, подобно удирающим от динго стае кенгуру.

БАФ! Са! Второму парню прострелили мошонку, как в каком-то вестерне. БАФ! Са! Промазал. Ничего, главное продолжать. Теперь он стрелял в спины. Щелк. БАФ! Са! Пуля-дура прошла насквозь шеи самого педиковатого и патлатого скейлера, хотя целился Ивашка в затылок. Но стрелок все равно остался доволен. Ивашка ощущал себя не иначе чем Архангелом

Гавриилом. Он выше морали, выше мира, выше всего. БАФ! Са! Еще один промах. Ивашка совершил небольшой спринт, чтобы лучше прицелится в убегающую в панике парочку, разодетую в парадные свитШОТы с огненной надписью. И БАФ! Са! Прямое попадание в порочное сердце одному. Порочное, ибо бестолковое. БАФ! Са! Второй подстрелен в бок и падает на вымощенные гранитные плиты, ударяясь головой.

Ивашка схватил пистолет за теплое от выстрелов дуло и что есть сил, беспощадно ударил жертву в копчик. «Так вот что чувствовала прекрасная Медея в момент прозрения!»

– Ай! – раздался единственный жалобный звук, все прочие буквы сожрал первобытный ужас.

Ивашка нагнулся над его шеей и яростно вонзил в молодую кожу свои зубы. Парень стал выдираться изо всех сил, истекая кровью, но припирающее к земле колено мстителя на спине помешало его замыслу. С остервенением бешенного пса Ивашка начал отгрызать кусок плоти с шеи. Соляная приторная кровь наполнила его рот. И именно в этот момент, пережёвывая кусок человеческой кожи, он ощутил катарсис всей своей жизни. Высшее блаженство от единства агрессии и счастья. Это его искренность.

«И всё-таки фиалка машину побед победит!»

Вопль разъярённой сирены.

– Тварь! Руки за голову!

Ивашка резко, как в боевиках, наставил револьвер на ментов, даже успев нажать на курок. Упс. ХххХ. Патроны кончились. А в это время в его голову прилетела пуля. И именно в этот момент настало высшее наслаждение, ощущению близости к истине, касание бога, свобода от оков декадентской современности. Он превзошел Данко, он – локомотив духа, он – Ивашка.

Прежде чем умереть, Ивашка блаженно улыбнулся и на долю секунду его мозг выдал прекрасную по своей чистоте и откровенности мысль:

"Я ебал вас всех, ебаные в рот суки. Идите нахуй!"

И умер.

Валтасар

Андрея Степановича как обычно заставила встать с постели острая нужда. Потребленное за годы службы неисчисляемое количество хмеля во время «отмываний» удачных сделок сыграли с ним злую шутку. Не без усилий поднял он свою ста пятидесятикилограммовую тушу, отыскал опухшими как у тролля ногами тапочки и побежал (насколько позволяла комплекция) к нужнику.

Комических размеров пузо, с размерами которого посоревновался бы сам Гаргантюа, мешало опытному судье отыскать с первого раза свой член. В этом брюхе запросто могли поместиться все семеро козлят заодно с красной шапочкой. Нет, нет, это вовсе не гормональный сбой, как можно подумать с первого взгляда – это всего лишь результат многолетнего отсутствия каких-либо спортивных нагрузок (ничего тяжелее молоточка и кружки пива он не поднимал уже лет десять) и праздный образ жизни. Такое собственное чрезмерное чревоугодие Андрей Степанович объяснял сам себе исключительно тяжелейшей работой судьи, о которой он во всех подробностях сетует на ужинах и раутах с городскими властями, членами администрации и прочими важными людьми. Эти душераздирающие истории, как видел себе сам судья, внушали в господ ощущение справедливости установленного слугой Фемиды ценника.

Отыскав наконец-то злополучный пенис, он, с величайшим наслаждением избавившись от своей самой насущной жизненной проблемы, посмотрел на настенные часы. 7:40 – пора собираться на работу. Сегодня финальное слушание по делу Никифорова, за которое судья уже успел получить щедрый аванс. Наконец-то вся эта тягомотина кончится. Роковой удар бармы и все. Мысль о вечернем обмыве дела в ресторане приободрила Андрея Степановича. Однако процесс этот вызывало в нем неприятное покалывание в области совести, и ему хотелось поскорее покончить с этим, как у простого средневекового палача, что делает свою работу. «Андрюша, не загружай голову лишним. Хватает проблем с мочеиспусканием».

Подойдя к зеркалу, Андрей Степанович смог воочию узреть себя любимого. Омерзительная загнивающая туша, каноничный буржуй с большевистских плакатов, с нескрываемой проплешиной, реденькими волосиками и сальной мордой после слов жены превращался в своем сознании в статного мощного мужчину с широкой костью, которому просто надо чуть-чуть схуднуть до идеала. В своей голове он видел себя никак иначе, кроме как Генрихом Восьмым с известного портрета – сочетание непреодолимой силы суверена и утонченности аристократического духа. Опустим, что в жизни сила его была вполне преодолима (банально даже вышестоящими акулами). А дух и вовсе помянем.

«Да, стоило бы заняться спортом. Или хотя бы бегом. Трусцой! Или хотя бы ходьбой. Да! Ходить очень полезно! Да даже простая зарядка не помешала бы, – думал про себя Андрей Степанович, поглаживая мамон. – Сегодня с мужиками только попрактикую, а завтра уже суббота, может, даже что-нибудь поделаю, попосещаю зал».

Андрей Степанович надел свою танковую броню в виде синего делового костюма, торжественные часы Патек Филип были закреплены на рульковидной руке (в момент торжества правосудия все должно быть изыскано, но понятно лишь для посвященных) и пустился вниз. Там его ожидала громадная шикарная машина с красными номерами и преданным водителем Семей, что работал на самопровозглашенного Генриха Восьмого уже больше пяти лет.

В моменты стояния в мегаполисных пробках, Андрей Степанович глядел на стоявшие на остановках, плотные, как стая пингвинов, толпы работяг и клерков, не скрывая ощущения превосходства. Они стоят там, въебывают день за днем за гроши, спиваются понемногу из-за невыносимого серого бытия, а он взял и вырвался в люди, имеет власть, престиж, так еще и выбирается ежесезонно на курорты. Мечта! Да одни его занавески со слониками стоят как их

зарплата. Холопы. Опустим, что насиженное место судьи досталось ему от Степана Вольфовича, прежнего короля жизни.

Но внезапно, глядя на массы в потертых одеждах, Андрей Степанович вспомнил подсудимого. Учитель физкультуры обычной школы, обвиненный в домогательствах к десятикласснице. Никаких подтверждений кроме слов девочки нет. Никифоров проработал в школе пятнадцать лет, ни одного слова «против» со стороны учеников или начальства, отмечается как честный и справедливый учитель, тренер команды по волейболу. Тот факт, что девчонка лжет, подтверждается выплаченным родителями (с громкой в промышленных кругах фамилией) гонораром Андрею Степановичу и его начальству. Сломленная жизнь учителя с семьей и детьми не стоит и рядом с опороченным именем влиятельного бизнесмена. Мотив клеветы был прост, и от этого внутри Андрея Степановича становилось еще чуть противней: Никифоров отказывался выставить положительную оценку за регулярные прогулы в течение всего года и не сдачу нормативов.

Даже у самого порочного подлеца в жизни происходит момент (будь то раз в год или раз в жизни), когда он на короткий срок раскаивается из-за страха кары свыше. Не зря на могучей шее Андрея Степановича красовался золотой православный крест. Судья представлял во всех красках: как демоны жрут его плоть, режутся, и в этот момент он с ужасом понимал, что это справедливое наказание и осознавал полную беспомощность. «Может, можно ещё договориться? Вы не будете меня кушац, господа, а я ни слова вам не скажу. Ваше дело. Попробуйте, кусайте, ебите этих подлых грешников – я как рыба...»

Резкий толчок в машине заставил мыслителя дернуться и приложиться слегка головой о переднее сидение.

– Сема, блять, мудака!

– Простите, Андрей Степанович! Тут ребенок пробежал на красный! Из-под колес выскочил...

Судья нарочито драматически стал чесать лоб.

– Ну газанул бы! Жизнь еще ничего не сделавшего ребенка и жизнь судьи! Сравни знаменатели, придурок! Жалко тебя и его не абортировали. Долбоеб!

Семен подавлено вздохнул и крепче сжал руль авто, виновато опустив голову.

Перед входом в храм Фемиды стоял и курил отец потерпевшей, одетый в строгий черный костюм. Тот, кого называют businessman. Встретившись с Андреем Степановичем взглядом, он хищно кивнул головой, напоминая тем самым вершителю судеб, ЧТО именно он должен сделать. Андрей Степанович и так знал, что надобно. Судья решительно переступил порог здания, выполненного в виде греческого храма с мощными серыми колоннами и барельефами.

От момента входа в зал заседания до поездки вечером в ресторан Андрей Степанович помнил всё отдельными сценами. Последний писк адвоката. Раздавленный и обреченный взгляд изможденного СИЗО Никифорова в порванных спортивных штанах. Приговор – 8 лет строгого режима. Со статьей о соращении малолетки. Роковой удар бармы. Жена сдерживает крик, дочь ревет. Заключение картинно хватается за седую голову. Потерпевшая неприкрыто торжествует, она точно уменьшенная копия злорадной мамашки. Псы системы заковывают жертву в кандалы, Никифоров не говорит ни слова, а только бросает взгляд обреченного на забив ягненка. Судья со спокойной душой выдыхает и отправляется в машину. Вечер, ресторан.

Андрей Степанович был крайне консервативен в вопросе традиции «отпивания» дела. Всегда одни и те же люди – старые друзья отца. Два святых гуру, бывший судья и прокурор, Иосиф Абрамович и Владимир Евсеевич. Старость сделала их высушенными и карикатурными. Они были даже неподобающе худыми для столь важной профессии (всему виной недоедание харчей при советской власти).

– Что-то ты какой-то убитый, сынок.

– Да нет, Иосиф Абрамович, это так, просто...

– Эмоции в судопроизводстве – признак непрофессионализма... – лукаво произнес Владимир Евсеевич. – Романо-германская система – закон превыше всего!

Андрей Степанович опрокинул в пасть еще одну стопку.

– Вот, правильно, – подбадривал Иосиф Абрамович. – А про учителя забудь. Невиновных ни в чем нет! Даже если он не виноват в этом деле, он повинен в чём-то другом. Может, он бьет жену, распространяет экстремистскую литературу, не платит штрафы ГИБДД...

«Это на автобусе разъезжая-то»

– Зато другим nepовaдно будет, если кто-то захочет лишний раз приударить за какой-нибудь Лолиточкой, – поддержал Владимир Евсеевич. – Предупредительная функция закона! – сказал опытный юрист и поглотил в себя содержимое рюмки в унисон с коллегой по службе.

Андрей Степанович воодушевленно ухмыльнулся и добил вино еще одной рюмкой.

Стопки гремели долго.

– Вам конверт передали, – робко сказал официант, когда высокоуважаемый судья уже был в нужных для притупления ощущения опасности кондициях.

– От кого?

– Мужчина не представился.

– Оставь это на потом, Степаныч, – убедительно предложил Владимир Евсеевич.

– Наверное, что-то по работе, – кивнул судья и отложил письмо в карман.

За блюдом шло блюдо, за часом час, за бутылкой бутылка. Андрей Степанович был в том состоянии, когда уже застольные вопросы морали, долга, жизни, семьи и даже политики, – всё было совершенно по боку.

– Ладно, Степаныч, мы пойдем, уже два часа ночи, гостей нет, пора и нам отчаливать. Водитель заждался.

И действительно. Вокруг были лишь недовольные официанты, убирающие большой изысканный зал. Стихла музыка, погашен основной свет. Мрачная атмосфера увядания.

– А мой пес будет ждать, пока я не прикажу! Аууууу. – спародировал собаку судья. – Прикажу лежать – ляжет, скажу «фу!» – отстанет. Все жестко! – расхохотался Андрей Степанович на весь ресторан. Ржач не остановил и тот факт, что бронзовым гуру было даже не забавно с его «шутки».

Коллеги пожали руки и разошлись, оставив судью один на один с ватностью членов и темнотой сознания.

Подошедший поставить стулья юноша официант. Уже без униформы он стал ставить стулья за ушедшими гостями ножками вверх, будто конструируя ловушки. В этот момент лавкрафтовские глубины разума Андрея Степановича изрыгнули воспоминание о таинственном письме.

Андрей Степанович вскрыл конверт и попробовал сконцентрировать взгляд на таинственной единственной строчке. Тщетно. Буквы с бешеной скоростью скрещивались одна с другой в бессвязные слова, отчего судью замутило.

– Парниша, присядь-ка, нужна помощь!

Официант смерил судью грозным взглядом разноцветных глаз. С его статной внешностью пьяные гости наверняка не редко предлагали ему интим, и он был готов сразиться с предложением вновь.

– Не бойсь, я не кусаю молоденьких мальчиков. Я заплачу тебе пять тысяч рублей, если ты прочитаешь и доведешь меня до машины. Иначе я тут все заблую и пизд...

Действительно заблует. Судья сдержал возможность запачкать свою броню ужином и передал конверт официанту, один глаз которого был ярко-зеленый, а другой лазурно-голубой. Несмотря на то, что разум Андрея Степановича был оглушен и ослеплен, а чувство прекрасного атрофировалось еще в университете, он был заворожен такой необычной особенностью.

- Как зовут тебя?
- Даня, – с недовольством бросил парень.
- Ну, Данила, читай.
- Я Даниил, – поправил судью парень.

– Правда никому не нужна, малой, – затащил философскую песнь Андрей Степанович, потрясывая покрасневшими щеками и подбородками. – Уже давно. Все ведутся на сказки, на белиберду! Если проще по-вашески: на хуйню! Людям нужно только жрать и пялиться в экраны, в игрушки играть! Стадо оно и есть стадо. Овцы! Поблеют и обратно уползут куда. Посмотри на мать нашу природу! Волк свободен от того, что жрет всех слабых! А посему – наебать как можно больше холопов – вот, что главное! – судья достал из кошелька красную пятитысячную гладкую купюру и стал трясти ей в воздухе, параллельно разбрызгивая слюну. – Бабки! Вот они – мои боги! Сука! Деньги! Бабло-о-о! Мои зубы и кости. Героев нет, все сожраны. Ни одного волкодава! Вместе с ними и все идеалы давно в трухе, мальчик. Бояться нечего! Сегодня можно купить всё, что хочешь. Счастье, любовь, здоровье! Пусть не пиздят нищелюбы, что не в деньгах счастье! Бери и потребляй все вообще бя! Телки, кокаин, бухло! В этом суть счастья. Жрать, покупать занавески и ебаться! Послушай завет старших, Данила, чтобы оказаться по итогу на стороне умных. Иди по протоптанной дороге и постарайся унести как можно больше бабла! Живи в кайф, на других похуй вообще! – от пламенной речи у судьи закружилась голова, стоило бы ускорить процесс: – А теперь читай!

Даниил пропустил сквозь себя слова судьи и стал читать монотонным голосом: «Феникс сожжет врагов красоты. Рабы блядства, солнце ваше иссякло. Ты следующий, слуга и раб Мировой Сова»

Ничего не понятно, но пробрало до самых поджилок. Слова нашли некий потусторонний отклик в голове матерого судьи. Ему, конечно, за всю карьеру приходили анонимные угрозы, но все они имели под собой конкретику. Какой-то определенный шантаж или призыв что-то не делать. А здесь просто какой-то бред. Хуйня какая-то, если честно. Но как это странно...

– Забейте, дядя, какая-то чушь, – спокойно произнес Даниил. – Пойдемте, я доведу вас до машины.

Широко выпучив глаза, Андрей Степанович как в оцепенении стал медленно двигаться в сторону машины, ведомый официантом. Внутри него точно было особенно тяжело растерзанно ощущение всемогущества. Лицо же изображало немой ужас, как у наблюдавшего беспощадный бунт в гладиаторской школе ланисты. У входа в машину судья достал еще десять тысяч и протянул парню:

- Бери все и никому не говори, что здесь было.
 - Конечно, хорошей дороги, Андрей Степанович.
- В таком состоянии хорошей дорога быть не могла.

Наступило утро. На страх от вчерашней угрозы плотно наложилось похмельное гнетущее ощущение вездесущей опасности. И этот синдбадов старик в лице страха за свою жизнь, преследовал судью все утро, пока он собирался по срочному вызову на работу, и уже в машине по дороге в храм фемиды. «Наверное, это дружок Никифорова помешанный. Или еще кого. Какой-то психопат...»

– Да брось ты, – послышался успокаивающий голос Владимира Евсеевича из телефонной трубки. – Когда я судьей был, регулярно всякий сброд бандитский пытался меня запугать. Но я не из той породы! Не лыком шит! И отец твой тоже был закаленным сталью! Просто иди и ничего не бойся, смути его своей холодностью и бесстрашием!

На душе Андрея Степановича отлегло. Но лишь немного. На площади у античного здания суда толпился народ. Все в черном, как какое-то сборище тайного ордена. «Телевизионщики, – с презрением понял судья. – Что им еще надо?»

- Сема, проводи меня до здания, сгони от меня этих мух!

Андрей Степанович вышел из машины с надежной опорой в лице верного водителя за спиной.

Неожиданно толпа в чёрном повернулась лицом к судье.

– Так...

Андрей Степанович не успел ничего сказать, как получил мощный удар в поддых. Семен скрутил руки начальника за спиной.

– Сука! Семочка, ты чего?!

Таинственная людская масса зашевелилась, приблизилась и принялась энергично работать. Они были все в чёрном, в капюшонах и повязках на лицах, отчего были видны только их глаза. Все разных возрастов, но преимущественно это была поджарая молодежь, без особого труда справившаяся с массой Андрея Степановича. Помимо одинаковой одежды, у всех на руках красовалась повязка с красным восходящим фениксом.

– Отпустите! На помощь! – жалобно возопил Андрей Степанович, кашляя от пропущенного удара под дых.

Но стоящие вокруг происходящего обычные прохожие бездействовали. Подобно terra-cottovым воинам, молча глядели и не двигались с места сотрудники ФСО. Действо напоминало какую-то зверскую древнюю казнь.

– Я судья! Что стоите, остолопы? Позвоните в полицию! Кто-нибудь! Я неприкосновенен!

Данный факт не помешал полностью раздеть тушу Андрея Степановича, срезав «изысканную броню». Часы Патек Филип были первыми сброшены на землю и растоптаны тяжелыми ногами в ботинках. Семен сложил руки на груди и сурово наблюдал со стороны.

– Бля-я-ять! Стадо мудаков!

Оставшиеся члены загадочной бригады соорудили прямо напротив входа крест и нагромождение хвороста у ног. Андрей Степанович был совершенно беспомощен, когда его положили на этот крест и стали вбивать ржавые гвозди сквозь вены. Все тело затрясло от боли, судья верещал как резанная свинья. Зря Андрей Степанович думал, что на этом все, конец. Угрозы, маты, слезы, мольбы, – все было бесполезно. Вокруг перформанса сходилась посмотреть все больше зевак. И все совершенно бездействовали, иногда лишь шушукаясь друг с другом, точно они наблюдали представление в цирке с дрессированными собачками.

В здании суда сейчас располагалась полиция, охрана, но все точно напрочь оглохли, а всевидящие камеры ослепли. Андрей Степанович остался совершенно один.

Толпа в чёрном выстроилась вокруг креста, ограждая толпу и подбрасывая хворост. Тут двое самых крупных привели на цепях четырех огромных щерящихся гиен с налитыми кровью глазами. Уродливые, безжалостные и голодные. Воплощенный природой ужас.

– Смотри, дочь, это гиены, они водятся в Африке! – сказала мать своему ребенку, внимательно наблюдая за экзотической сценой.

– Что за хуйня?! – вопрошал Андрей Степанович, глядя на оскаленные морды сверху вниз. – Заберите все мои деньги! Жену мою! Все заберите! Ради бога! Ради Христа! ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

Почуввав запах свежей крови, голодные гиены своенравно захохотали, как банда психопатов. По щелчку их спустили с цепи. Звери без преград запрыгнули на гору хвороста и принялись страстно впиваться в висячий живот вершителя судеб, точно в деликатес. Андрей Степанович задергался и заверещал, но жаждущих гиен это не останавливало. Всё также были они безразличны к его крикам раскаяния, боли и страха. Они с удовольствием посмеиваясь, причмокивая, как стая чертей, вырывали куски свежей плоти из массивного брюха. Некоторые из посетителей начали вести дискуссию о том, какой орган они видели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.